

участия в деятельности организованной преступной группы могут надеяться на снисхождение суда при одновременном наличии опасений, что им придется отвечать за преступления других членов группы; лиц, находящихся в конфликте с другими членами организованной преступной группы и ее лидерами, ибо они меньше подвержены страху перед системой наказаний в организованной преступной группе в силу личных неприязненных отношений с лицами, олицетворяющими эту систему, и поэтому считают себя внутренне свободным и от обязательств перед другими членами группы; лидеров организованной преступной группы или активных членов группы, так как они в ряде случаев в силу корыстно-эгоистических мотивов не склонны считаться с интересами других участников организованной преступной деятельности вообще, могут стремиться к облегчению своей участи и преуменьшению роли в совершении преступлений, а потому способны на признательные показания.

Изложенное показывает, что без правильной процессуальной фиксации хода и результатов допроса, как и любое другое следственное действие, теряет доказательственную силу. Поэтому протокол допроса должен фиксировать как результаты допроса, так, при необходимости, и его стадии, действия его участников.

Основным и обязательным средством фиксации показаний является протокол. Протокол должен быть составлен так, чтобы он содержал все результаты допроса, имеющие значение для дела. Процесс фиксации результатов допроса связан с разрешением вопроса об отборе информации, которую надо закрепить в протоколе. При этом необходимо учитывать, что действия следователя по отбору для фиксации субъективно оцениваемых им данных по степени относимости к делу, их систематизации могут привести и к утере важной информации.

Зачастую по протоколам невозможно восстановить действительный ход допроса, что ведет к попыткам преступников и их защитников представить результаты этого следственного действия юридически ничтожным, обосновать при помощи таких протоколов версии защиты об отсутствии преступной осведомленности, применении к подследственным незаконных методов воздействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. доктора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко. - М.: Юридическая фирма "Контракт", "Инфра-М", 2005. С. 262.
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. / Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. - М., 2000. С. 942.
3. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2001. С. 271.
4. Криминалистика: тактика, организация и методика расследования преступлений: Учебник / Под ред.: Резвана А.П., Субботиной М.В., Харченко Ю.В. - Волгоград: ВА МВД России, 2000. С. 199.
5. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. - М.: НОРМА, 2001. С. 912.
6. Криминология. Учебник. Под ред. Бурлакова В.Н., Вандышева В.В., Волгарева Н.В. - СПб.: Юрфак, 2005.
7. Криминология. Учебник для вузов. Под ред. Бурлакова В.Н., Кропачева Н.М. - СПб, 2003.

УДК 343.237

Чыныбаева Н.Ж.,

преподаватель

кафедры уголовного права КГЮА

+996 (559) 101 842;

E-mail.ru: Unique-007@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация: Бул макалада автор кылмыш-жаза укугундагы кылмышка шериктештик институтунун теориялык маселелеринин жакшыртууну карайт. Мыйзам чыгаруучу кылмышка шериктештиктин жазасын жана жоопкерчилик чегинин укуктук регламентин аныктоодо, күнөөлүнүн өздүгүн жана кылмыштуулуктун коомчулукка тийгизген

коркунучунун даражасын жана мүнөзүн эсепке алууга менен эле эмес, кылмышка шериктешиктиң формасын, кылмышка шериктешиктиң түрүн кароо менен анын жалпы кылмыштык жыйынтыкка болгон салымын карайт.

Аннотация: В данной научной статье автором рассматриваются теоретические проблемы совершенствования института соучастия в уголовном праве. Законодатель определяет правовую регламентацию пределов ответственности и наказания соучастников преступления не только с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, но и в зависимости от формы соучастия, вида соучастника и его индивидуального вклада в общий преступный результат.

Annotation: In this article the author discusses the scientific theoretical problems of perfecting the institution of complicity in criminal law. The legislator determines the legal regulation limits of liability and punishment offence, not only taking into account the nature and gravity of the offence and the personality of the offender, but also depending on the form of complicity, the kind of partner and his individual contribution to overall criminal result.

Негизги сөздөр: Кылмышка шериктешиктиң институту, кылмыштуулук коомун түзүү, уюшулган топ, жазык жоопкерчилиги.

Ключевые слова: Институт соучастия, организация преступного сообщества, организованная группа, уголовная ответственность.

Keywords: Institute of participation, organization of a criminal community, an organized group, criminal liability.

Самостоятельное направление совершенствования уголовного закона в сфере регламентации ответственности за совершение преступлений в соучастии связано с разработкой понятийного аппарата и выработкой предложений, адресованных законодателю и ориентированных на повышение эффективности норм Общей и Особенной части Уголовного кодекса. В этом плане серьезные сомнения вызывает обоснованность и эффективность законодательных формулировок в рамках ст. 231 УК КР "Организация преступного сообщества (преступной организации)".

Критическое отношение к регламентации уголовной ответственности за организацию

преступного сообщества или участие в нем мы находим у разных авторов. Так, например, В. М. Быков обосновывает целесообразность указать в ст. 231 УК КР, что целью создания и руководства преступным сообществом (преступной организацией) является совершение умышленных преступлений [1]. Данное предложение представляется нам избыточным, поскольку преступное сообщество рассматривается как форма соучастия, а при регламентации соучастия (ст. 30 УК) законодатель закрепил умышленный характер преступлений, совершаемых группой лиц.

Подчеркивая свою мысль о необходимости усиления в уголовном законе ответственности за совершение преступлений преступным сообществом, В. Д. Иванов и С. Х. Мазуков пишут: "В отличие от других рассматриваемых разновидностей соучастия, совершение преступления преступным сообществом признается конститутивным признаком лишь составов, предусмотренных ст. 231 УК. Совершение преступления преступным сообществом не предусмотрено ни в одном из составов преступлений в качестве квалифицирующего признака, о чем приходится только сожалеть" [2]. Мы не разделяем представленный подход, поскольку при совершении конкретного преступления преступным сообществом (преступной организацией) речь всегда пойдет о совокупности преступлений, что исключает недостаточность уголовно-правового реагирования на совершение преступления или нескольких преступлений при данной сложной форме соучастия. Недостаточность уголовно-правовой регламентации отмечают и другие ученые. Так, например, А. И. Долгова полагает, что ст. 231 УК КР должна устанавливать ответственность за организацию преступного сообщества с целью совершения не только тяжких или особо тяжких преступлений, но и преступлений любой тяжести [3]. С. В. Наземцев также считает ошибочным указание на целеполагание, связанное с совершением тяжких и особо тяжких преступлений в рамках ст. 231 УК. Автор пишет: "Из ст. 35 УК не видно качественного различия между групповыми формированиями и определения специальной цели преступных сообществ (преступных организаций) - "совершение тяжких или особо тяжких преступлений" превращает ст. 231 УК в "неработающую", так как реальные процессы организаций таких формирований не связаны с

подобным изначальным целеполаганием" [4]. К такому же выводу приходит и В. А. Номоконов, утверждая при этом, что указание в ст. 231 УК КР о специальной цели создания и руководства преступным сообществом (преступной организацией) - совершение тяжких или особо тяжких преступлений - сразу же превращает эту статью в "мертвую" [5, 6]. Связь ответственности по ст. 231 УК КР с целью совершения только тяжких или особо тяжких преступлений называет методологическим просчетом разработчиков Уголовного кодекса С. В. Ванюшкин. Обратим внимание, что здесь ученые прямо указывают на то, что ст. 231 УК на практике "не работает", но предлагают изменить ситуацию за счет расширения оснований уголовной ответственности за организацию преступного сообщества путем включения в цели его деятельности не только тяжких или особо тяжких преступлений, но преступлений любой тяжести. Данный путь, связанный с расширением оснований уголовной ответственности, представляется нам тупиковым. На самом деле в случае принятия такого рода предложений основания применения ст. 231 УК станут практически не ограниченными. Отличие преступного сообщества и организованной группы вообще перестанет существовать даже на теоретическом уровне. Кроме того, предлагаемые приемы решения проблемы не ориентированы на придание конструкции рассматриваемого состава преступлений более четких границ, поскольку они не решают главного - установления параметров сплоченности группы, пригодных для реального правоприменения.

В этом плане, несомненно, заслуживают внимания и суждения специалистов, которые опираются не на уголовно-правовые критерии преступного сообщества, а на криминологические, социальные, психологические, нравственные признаки. Представляется, что такого рода решения еще более уязвимы. Так, Л. Д. Гаухман и В. Д. Максимов пишут о том, что сплоченность, также как и устойчивость, - оценочный признак. Его выделение законодателем в качестве самостоятельного признака означает, что она отличается от устойчивости, хотя все признаки устойчивости присущи и сплоченности. Но сплоченность характеризуется и другими признаками, каковыми являются, в частности, круговая порука, конспирация, общая касса, наличие специальных технических средств и т. д. Круговая порука может

быть основана на таких обстоятельствах, как, например, совместное совершение участниками группы преступления ранее, включая осуждение за него по одному и тому же уголовному делу; отбывание участниками наказания в одном и том же месте лишения свободы; взаимная осведомленность участников о компрометирующих друг друга материалах; использование для поддержания в группе дисциплины насилия, угроз, жестокости. Она может выступать и в виде договоренности об отказе от показаний в случае разоблачения, умолчании о членах группы, их связях и действиях, о взаимной выручке и т.п. [7]. Максимально сходную по существу позицию занимает А. В. Наумов, комментируя положения ст. 35 УК: "Сплоченность предполагает обычно наличие в преступной организации сложных организационно-иерархических связей, тщательной конспирации, наличие в обороте значительных денежных средств, установление связей с правоохранительными органами (коррупционность), наличие системы защитных мер (внутренняя контрразведка), наличие охранников, боевиков и наемных убийц. Преступное сообщество, как правило, предполагает вооруженность соответствующей преступной организации новейшими видами оружия, в том числе и зарубежного производства" [8]. Н. Ф. Кузнецова, осуществляя толкование признака сплоченности, апеллирует к таким терминам как "четкость и спаянность взаимодействия групп", что, на наш взгляд, не проливает свет на сугубо уголовно-правовые признаки сплоченности, положенные в основание уголовной ответственности по ст. 231 УК КР [9]. Обратим внимание на то, что авторы употребляют слова "как правило", "обычно", "может быть". На наш взгляд, это обстоятельство само по себе свидетельствует об отсутствии точных параметров сплоченности преступного сообщества (преступной организации). Что касается коррупционных связей с правоохранительными органами, то такого рода деяния уже получили уголовно-правовую оценку в рамках норм о взяточничестве, так же, как получили уголовно-правовой запрет действия, связанные с незаконным оборотом оружия. Едва ли действия такого рода могут образовывать элементы сплоченности, имеющие какую-либо особую, вне указанных норм Особенной части УК, оценку.

Кроме того, на наш взгляд, такие признаки как круговая порука, конспирация, общая касса,

наличие специальных технических средств, в том числе зарубежного производства, а уж тем более отбывание наказания в одном и том же месте не являются, строго говоря, уголовно-правовыми. Они имеют криминологическое или криминалистическое содержание и смысл. Для уголовного правоприменения не имеет значения - отбывали ли ранее сообщники наказание в одном и том же пенитенциарном учреждении, давали ли они друг другу какие-либо "клятвы" и т.д. Все это приобретает смысл в криминалистическом аспекте, поскольку влияет на выбор тактики и методики раскрытия конкретного, хотя и типового преступления. А такие "моральные" качества соучастников как "взаимная выручка" вообще являются нейтральным обстоятельством для вменения субъектам того или иного преступления. Трудно согласиться с мыслью законодателя и большинства специалистов о том, что личностные характеристики субъектов, их "мораль", взаимоотношения и субкультура могут стать основанием для инкриминирования конкретного преступления.

В этом и кроется главная опасность такого "оценочного" признака как сплоченность преступной группы. Он фактически не подлежит структурированию и формализации при регламентировании оснований уголовной ответственности, в отличие от таких оценочных признаков, которые применяются в уголовном правотворчестве, но не несут при этом сугубо морально-нравственной или криминологической оценки того или иного обстоятельства. В последнем случае мы подразумеваем оценочные категории, используемые уголовным законодателем для описания возможных последствий преступного деяния ("существенный вред", "значительный ущерб" и т.д.). Эти категории являются всегда дополнением, логическим смысловым продолжением того ряда признаков, который законодателем вполне отчетливо определен и формализован. Категория же "сплоченность" является не просто самостоятельным признаком в контексте а также ст. 231 УК КР, но признаком базовым. На признаке сплоченности выстроена вся уголовно-правовая конструкция преступного сообщества (преступной организации), вне этого признака данная сложная форма соучастия перестает существовать. В этом плане мы совершенно согласны с В. М. Быковым, утверждающим, что поскольку содержание термина "сплоченность" не выработано ни в теории уголовного права, ни в

практике его применения, опереться на этот термин при разграничении организованной группы и преступного сообщества невозможно [10]. Не может служить в качестве такого отличительного признака указание законодателя на цель создания группы - совершение тяжких или особо тяжких преступлений, поскольку организованная группа, как уже отмечалось, также создается для совершения этих преступлений. Предостерегает от злоупотребления криминологическими характеристиками рассматриваемого явления в уголовном право применении и Р.Р. Галиакбаров: "Некорректны попытки расширить признаки организованной группы за счет дополнительных, не предусмотренных уголовным законом" [10]. Представляется методологически обоснованным и более категоричное суждение, представленное Д. А. Шестаковым: "Очевидно, что признаков, произвольно отобранных законодателем из известного криминологии понятия организованной преступной деятельности, оказалось для конструирования общей законодательной дефиниции, служащей базой для уголовно-правовой реакции на последнюю, недостаточно. Представляется, что до тех пор, пока не найдена соответствующая подходящая общая формула, следует отказаться от использования ее суррогатов, как в Общей, так и в Особенной частях уголовного законодательства, обходясь в Особенной части составами, "узко" сконструированными применительно к конкретным известным проявлениям организованной преступной деятельности".

Иными словами, проблема повышения эффективности ст. 231 УК КР зависит от повышения эффективности ст. 34 УК КР, поскольку эти нормы органично связаны между собой на понятийном уровне.

Кроме того, при рассмотрении вопросов о совершенствовании уголовного законодательства в области регламентации ответственности за соучастие нам представляется возможным и необходимым обратиться к институту компромисса, уже получившего закрепление в отдельных нормах Особенной части УК КР. Понятие и виды уголовно-правового компромисса, его задачи и пределы допустимости в современной литературе фундаментально исследованы целым рядом ученых. Оценивая уголовно-правовые основания допустимости компромисса в нормах уголовного закона, Х. Д. Аликуперов пишет: «В них законодатель

дифференцированно подходит к установлению пределов уступок лицам, участвовавшим в преступлениях, для того, чтобы обеспечить их помощь в решении приоритетных задач производства по уголовным делам». За основу в них взята значимость тех или иных позитивных поступков для безопасности отдельных граждан, общества и государства в целом. Исходя из этого, законодатель в одних нормах исключает уголовную ответственность за причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны, в других - гарантирует освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, в третьих нормах указывает на возможность такого освобождения от уголовной ответственности, в четвертых гарантирует фиксированное снижение наказания, а в остальных предусматривает возможность смягчения наказания.

Среди норм УК, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений, объективная сторона которых выражает сложные формы соучастия, мы выделяем ст. 229 "Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем". Данная статья сопровождается примечанием следующего содержания: "Лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления".

Именно содержание этого примечания и закрепляет уголовно-правовой компромисс общества и государства с лицом, которое все же совершило преступление, предусмотренное ст. 229 УК КР. Обратим внимание, что в ст. 229 уголовная ответственность предусмотрена как за создание незаконного вооруженного формирования, так и за участие в нем. То есть, по существу, примечание распространяется как на организаторов, так и на исполнителей и иных соучастников.

Поскольку статьи 229, 230 и 231 УК совпадают и по социально-правовой природе уголовно-правового запрета, и по уголовному целеполаганию, и по конструированию составов, логично было бы продолжить развитие продуктивной идеи компромисса и в нормах, устанавливающих ответственность за бандитизм и организацию преступного сообщества (преступной организации).

В связи с изложенным мы полагаем, что законодатель применительно к преступлениям,

совершаемым в наиболее опасных формах соучастия, реализует потенциал института уголовно-правового компромисса как самостоятельного способа поощрения позитивного посткриминального поведения. Именно эти соображения позволяют высказать предложение о дополнении ст. 230 УК КР "Бандитизм" и ст. 231 УК КР "Организация преступного сообщества (преступной организации)" соответствующими примечаниями.

Статью 230 УК КР "Бандитизм" мы предлагаем дополнить примечанием следующего содержания: "Лицо, добровольно прекратившее участие в банде и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления".

Статью 231 УК КР "Организация преступного сообщества (преступной организации)" дополнить примечанием следующего содержания: "Лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации), освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления".

Состояние института соучастия в действующем законодательстве не могло не вызвать к жизни множества и иных предложений по совершенствованию норм Общей и Особенной части, особенно касающихся регламентации ответственности за сложные формы соучастия.

"Злоупотребление должностными полномочиями" установлена уголовная ответственность за "использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства". Данный состав преступления полностью охватывает такое сформулированное в законопроекте деяние, как "сокрытие экономического преступления", в связи с чем в какой-либо дополнительной криминализации это деяние не нуждается. Такое предусмотренное в законопроекте деяние, как "непринятие действий по взысканию материального ущерба от экономического преступления", вполне беспрепятственно может быть квалифицировано по статье 316 УК КР "Халатность", в которой установлена уголовная ответственность за "неисполнение или ненадлежащее исполнение

должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства". В случае же доказанности умышленного совершения перечисленных деяний в сговоре с лицами, совершившими соответствующее экономическое преступление, действия должностных лиц, перечисленных в законопроекте, должны квалифицироваться по правилам.

Таким образом, совершенствование института соучастия мы связываем с модернизацией положений ряда норм уголовного закона, непосредственно регламентирующих основания ответственности за организованные формы преступной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Быков В.М. Теоретические проблемы совершенствования института соучастия в уголовном праве. - М.: Статут. 2014 // СПС «Консультант-Плюс».
2. Долгова А.И. Криминология. Учебник. Издательство «Раритет Инфо». - Москва. 2000. С. 216.
3. Сыдыкова Л.Ч. Уголовное право Кыргызской Республики. Часть общая. Учебник для вузов. Издательство «Билд». - Бишкек 2008. С. 112.
4. Гаухман Л.Д., Максимов С. В. Группа лиц как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практика его применения. - Красноярск, 1989. С.126-128.
5. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. - Саратов, 1991. - С.57-62.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации . под ред. А.В. Наумова.- Москва, 1999. С. 133.
7. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: в редакции Закона Кыргызской Республики от 13 август 2015 г. № 155 // Информационно – правовая система “ТОКТОМ мамлекет Про”. – Режим доступа: http://www.toktom.kg /comp=main&m_t=1.-Загл. с экрана.
8. Ванюшкин С.В. Организованная преступность в реформируемой России и направления

борьбы с ней: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. С.16.

9. Галиакбаров Р.Р. Квалификация преступлений по признаку совершения их организованной группой // юстиция. 2000. N 4.

10. Аликуперов Х.Д., Компромисс в борьбе с преступностью.- Москва, 2001.

УДК 343.85

Чыныбаева Н.Ж.,

преподаватель

кафедры уголовного права КГЮА

+ 996 (559) 101 842;

Unique-007@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА ВИНОВНОГО НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: Бул илимий статьяда автор кылмышкердин жашынын кылмышты квалификациялоодо тийгизген таасирин карайт. Мыйзам байланыштырган кунөөлүүнүн жаштык чекке жетпегендиги, кылмыш үчүн жазык жоопкерчилигине тартуу мүмкүнчүлүгүн, алардын курамы субъектин жаш белгилери боюнча өспүрүмдүн иш жүзүндө жасаган кыймыл – аракеттеринде каралбаса, жазык жоопкерчилигин жасалган комго коркунуч туудурган жосун үчүн гана эмес жана башка ар-кандай кылмыштар үчүн да жокко чыгарат.

Аннотация: В данной научной статье автор рассматривает влияние возраста виновного на квалификацию преступления. Недостижение виновным возрастного порога, с которым закон связывает возможность наступления уголовной ответственности за преступления исключает уголовную ответственность не только за совершенное общественно опасное деяние, но и за какие-либо другие преступления, если их состав по возрастному признаку субъекта не усматривается в фактически совершенных подростком действиях.

Annotation: In this scientific article, the author explores the influence of the age of the perpetrator on the qualification of the offence. Not guilty of age with whom the law binds the possibility of criminal liability for crimes excludes criminal liability not only for